

Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений

Анна А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, goloseyeva@yandex.ru*

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hohlov@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена социальной мобилизации и его оценке как фактора поступательного развития государства. За основу берется концептуальный подход Г. Блумера, подразумевающий, что любая деятельность, направленная на поддержание общности, является социальной мобилизацией.

Анализируется влияние на процессы социальной мобилизации новых технологий распространения информации и медиатизации политической жизни в государствах современного типа. Более подробно рассматриваются отдельные типы социальной мобилизации, выделенные авторами: институциональная, протестная, гибридная и спонтанная.

Делается вывод о том, что российский опыт дает возможность предполагать особую роль мобилизации в жизни государства, отличную от европейских аналогов. Это связано с тем, что в современной России на протяжении многих лет пространство политической активности постепенно переходило под контроль государства, а после начала СВО в 2022 г. публичные гражданские инициативы групп, не подконтрольных чиновникам и неодобряемые государственной властью, оказались вне легального правового поля. В связи с этим, с одной стороны, мы наблюдаем патриотическую самоорганизацию вокруг добровольной помощи участникам боевых действий. С другой стороны, часть общества сосредоточена на решении частных, бытовых проблем, а ее участие в политической жизни страны трансформируется в некие ритуальные действия. Здесь социальная мобилизация приобретает специфические формы: спонтанные всплески, триггерами которых выступают неполитические поводы, вызывающие массовое возмущение (случаи жестокого обращения с животными или экологические бедствия и т. д.).

Ключевые слова: социальная мобилизация, гражданский активизм, гражданское общество

© Голосеева А.А., Хохлов А.А., 2025

Для цитирования: Голосеева А.А., Хохлов А.А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93

Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change

Anna A. Goloseeva

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, goloseyeva@yandex.ru*

Andrey A. Khokhlov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, hohlov@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the phenomenon of social mobilization and its assessment as a factor of progressive development of the state. It is based on the conceptual approach of H. Bloomer, which implies that any activity aimed at maintaining community is social mobilization.

It analyzes the influence of new information dissemination technologies and the mediatization of political life in modern states on the processes of social mobilization. The individual types of social mobilization identified by the authors are considered in more detail: institutional, protest, hybrid and spontaneous.

It is concluded that the Russian experience makes it possible to assume a special role of mobilization in the life of the state, which differs from its European counterparts. This is due to the fact that in modern Russia, over the years, the space of political activity has gradually come under the control of the state, and after the start of the Special military operation in 2022, public civic initiatives of groups beyond the control of officials and disapproved of by state authorities have been outside the legal right field. Regarded thereto on the one hand, we are witnessing patriotic self-organization around voluntary assistance to participants in hostilities. On the other hand, a part of society is focused on solving private, everyday emergencies, and its participation in the political life of the country is transformed into some kind of ritual actions. Here, social mobilization takes on specific forms: spontaneous outbursts triggered by non-political causes that cause mass outrage (cases of animal cruelty or environmental disasters, etc.).

Keywords: social mobilization, civic activism, civil society

For citation: Goloseyeva, A.A. and Khokhlov, A.A. (2024), "Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 81–93, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93

В современном мире мы наблюдаем разнообразные социальные активности: от деятельности волонтерских групп до сообществ политически ангажированных граждан. Коллективные действия больших и малых контингентов населения являются частью социально-политического ландшафта разных стран, при этом различия наблюдаются только в формах социально-политического поведения, независимо от типа политического режима.

В связи с этим возникает несколько вопросов: являются ли упомянутые активности фактором поступательного развития государства, и все ли эти группы и движения можно отнести к агентам социальной мобилизации? Можем ли мы рассматривать целенаправленные усилия государственных структур по организации общества на мобилизационной основе как одну из форм социальной мобилизации или мы имеем дело с другим социальным феноменом?

Следует отметить, что в российской и зарубежной научной литературе подходы к интерпретации феномена социальной мобилизации несколько отличаются. В отечественной науке еще с советских времен мобилизация, как правило, рассматривается как результат массового поведения под воздействием политических сил. Если обратиться к Социологическому словарю, то обнаружим следующее определение мобилизации: «...направленный процесс активизации масс для решения чрезвычайных военных, экономических, политических и других целей»¹. А в западных источниках акцент смещен на деятельность негосударственных организаций и сообществ.

В своем анализе мы опираемся на концептуальный подход Г. Блумера, который сделал вывод о том, что любая деятельность, направленная на поддержание общности, является социальной мобилизацией. Блумер придавал большое значение ценностно-мировоззренческой составляющей коллективного действия и групповой сплоченности, необходимой для конструирования проблемной ситуации [Blumer 1969].

---

¹ Большой толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%9C%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения 9 марта 2025).

Основными элементами социальной мобилизации являются гражданский активизм, практики местного самоуправления, конструктивный протест против злоупотребления властью чиновниками. В процессе взаимодействия общества и государственных структур проявляется субъект активного действия. Таким субъектом могут выступать большие людские контингенты и малые сообщества: всевозможные движения социальной направленности – волонтеры, участники НКО и прочие социальные и политические активисты – формируют динамичное и деятельное гражданское общество, которое придает государственным институтам устойчивость.

Социальная мобилизация возможна в условиях, когда индивиды идентифицируют себя с конкретным социумом. В противном случае им незачем мобилизовываться, нечего поддерживать и нет нужды протестовать. Другими словами, мобилизация любых видов имеет смысл только тогда, когда граждане осознают свою принадлежность какому-либо сообществу.

Принято условное деление социальной мобилизации на позитивную и негативную.

Применительно к массовому обществу можно говорить о крупных социальных движениях, над которыми пытаются установить контроль властные группы в недемократических государствах, и в этом случае осуществляется «тотальная мобилизация» [Юнгер 2000], характерная для тоталитарных и авторитарных систем. Поскольку исторические примеры позволяют нам говорить о недолговечности политических режимов, основанных на тотальной мобилизации, логично определять этот вид коллективного поведения как условно негативный. Сохранение сегодня отдельных политических режимов закрытого типа (Куба, КНДР), где осуществляется государственный контроль над многими сферами жизни граждан, но импульс тотальной мобилизации «затух», может служить подтверждением тезиса о негативных результатах такого типа социально-политической организации.

Что касается тех государств, в которых институциональная структура участия граждан в политике предполагает постоянное обновление и расширение форм демократического вовлечения различных групп и сообществ в политический процесс, то такую мобилизацию можно охарактеризовать как условно позитивную.

Хотя те, кто разделяет взгляды Юнгера на тотальную мобилизацию, могут утверждать, что государственная власть, устанавливая контроль за поведением масс, обеспечивает общественный порядок и политическую стабильность; следовательно, такая мобилизация позитивна. Впрочем, подобные идеи, в которых принуждение к

повиновению власти и культ войны и техники рассматривались как универсальный способ организации миропорядка, сегодня уже мало кого вдохновляют.

Цель данной статьи – проанализировать различные типы социальной мобилизации с точки зрения эффективности политического администрирования и перспектив устойчивого развития государства и общества.

Медиатизация как фактор социальной мобилизации

Значительное влияние на социальную мобилизацию оказывают новые технологии распространения информации и медиатизация политической жизни в государствах современного типа. Поскольку мы живем в эпоху информационного общества, то невозможно игнорировать влияние медиа на политические и социальные установки граждан, в том числе и на протестные. Совершенствование цифровых технологий значительно упростило способы информационно-психологического воздействия на сознание современного человека. Особенно интересны локальные конфликты, которые благодаря социальным сетям мгновенно становятся частью общенациональной политической повестки. Например, инцидент с решением властей дать добро на строительство храма в сквере в Екатеринбурге в 2019 г. приобрел широкую известность благодаря медийной активности участников конфликта. Отечественные исследователи выявили корреляцию между скоростью распространения информации о событии и активностью популярных медийных (сетевых) акторов [Гавра, Быкова 2021]. Достаточно небольшого числа активистов, чтобы медиатизация события пошла быстрее. Сетевые активисты способны перевести виртуальное недовольство в офлайн-формат, тем самым расширяя базу протеста.

Медиатизация может быть представлена как «надстройка» над социальной реальностью, но она обладает особыми характеристиками и смыслами.

Медиапространство... особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации [Юдина 2008, с. 151].

Типы социальной мобилизации

Нам представляется логичным выделить несколько условных типов социальной мобилизации: институциональную, протестную, гибридную и спонтанную.

Институциональная мобилизация подразумевает процесс конструктивного взаимодействия граждан и власти в формате участия в политических процессах. В демократиях современного типа институциональная мобилизация является условием самообновления и развития общественно-политической системы и укрепления институтов демократии.

Институциональная мобилизация охватывает социальную и политическую активность, не наносящую ущерба государственно-политической системе, но способствующую установлению более конструктивных отношений между властью и обществом. Недовольство отдельных групп граждан не становится ресурсом разрушительной протестной активности, но остается в правовом поле и способствует росту эффективности диалога власти и общества.

В научной литературе гражданское общество обычно рассматривается как совокупность добровольно сформировавшихся организаций, в которых осуществляется самодеятельная активность граждан. Само гражданское общество здесь является средой, в которой формируются механизмы социальной мобилизации. Активные граждане, будучи субъектами социальной мобилизации, самым непосредственным образом участвуют в политическом процессе, понимаемом как рационально организованное взаимодействие между гражданским обществом и структурами государственной власти [Великая 2022, с. 64].

Здесь уместно вспомнить мысли В. Парето о том, что социальная мобилизация – необходимое условие для самосохранения общества [Pareto 2017]. Если власть поощряет социальную активность граждан, то мобилизационные флуктуации способствуют появлению новых форм групповой идентичности и более совершенных элементов институционального дизайна.

Однако, кроме мобилизации гражданской, необходимо отметить и государственную мобилизацию. Последняя означает целенаправленные усилия властных структур, пытающихся формировать лояльные правительству настроения в обществе. Любые провластные массовые мероприятия, это и есть мобилизация «сверху». Для того чтобы мобилизация, инициированная государственными структурами, была эффективной, требуется идеологическая индоктринация ее агентов.

Протестная мобилизация включает все формы протестной активности, включая и революционные акции. В последнем варианте

происходит разбалансировка государственной системы, а в обществе нарастают деструктивные тенденции. Как правило, подобные процессы характерны для закрытых и ригидных политических систем.

Неэффективная и репрессивная государственная политика провоцирует относительную депривацию в обществе, что может вызвать волны общественного возмущения разрушительной силы. Тогда социальная мобилизация развивается по негативному для власти сценарию.

Согласно теории «мобилизации ресурсов» негативная общественная активность возникает в ситуации, когда накапливается социальное раздражение и сформированы организационные условия для развития коллективного протеста. Сама эта теория указывает на очевидные факторы, способствующие росту протестных движений: понятно, что «дыма без огня» не бывает и для социального недовольства должны быть в наличии соответствующие обстоятельства.

Протестное поведение достаточно хорошо изучено [Артюхина 2017; Костюшев 2011]. Традиционно протест понимается как коллективные действия, вызванные социальной напряженностью и социальным недовольством граждан политическим курсом и условиями жизни.

Довольно популярны в среде специалистов по политическим наукам различные вариации теории социальной депривации, которая рассматривает конфликт как разрыв между ожиданиями индивидов и возможностями для их исполнения. В принципе, протестные настроения могут служить «обратной связью» для власти, которая получает сигнал от общества, что существуют определенные проблемы, которые необходимо срочно решать. Гораздо хуже, когда таких сигналов нет, и правительство вынуждено ориентироваться на собственные или экспертные мнения, что ведет к накоплению административных и стратегических ошибок. В определенных обстоятельствах, когда властная группа перестает получать «обратную связь» от общества и злоупотребляет репрессивными мерами контроля над политическим процессом, спонтанная самоорганизация граждан перерастает в стихийные антиправительственные выступления. Так, например, массовые митинги в Москве в августе 1991 г. – это реакция активной части общества на попытку государственного переворота в СССР. Стихийный протест способствовал радикальной смене не только правительства, но и общественно-политического строя.

В системах с недостаточно прочными демократическими традициями средний класс может быть драйвером протестной (нега-

тивной) мобилизации, которая ведет к расшатыванию устоев политической системы, а не к их укреплению. Подобные активности были заметны в России в 2011–2012 и 2019–2020 гг. А в соседней Украине привели к сносу политического режима в 2014 г.

Что касается форм коллективной активности, то мы согласны с подходом Р. Дарендорфа, который утверждал, что и конфликтная, и консенсусная формы мобилизации одинаково важны для устойчивого функционирования государственно-политической системы. Ведь чтобы обеспечить консенсус в обществе, необходим конструктивный диалог и согласование интересов разных социальных групп. В определенном смысле конфликт является не только «сигналом» о проблеме, адресуемом структурам власти, но также источником самообновления общественного организма.

В ситуации острого политического кризиса и резкого ослабления правящей группы стихийные протесты привлекают внимание политических акторов, заинтересованных в дестабилизации государственного аппарата. Тогда мы имеем дело с *гибридной мобилизацией*.

Под гибридной мобилизацией мы понимаем целенаправленное воздействие внешних (иностраных) политических субъектов на общественное сознание другого государства с целью манипулирования социальными противоречиями ради достижения политических целей невоенными средствами. Такое воздействие носит агрессивный характер, а субъекты агрессии сохраняют анонимность. При этом гибридное воздействие на массовое сознание осуществляется с помощью новейших технологических и коммуникационных ресурсов.

К распространенным видам гибридной агрессии можно отнести и деструктивные действия в сети Интернет. При этом данные действия реализуют как государства, так и различные группы местных политических радикалов и даже экстерриториальные организации, включая террористические сообщества.

Сетевой формат подрывных действий проявился отчетливо в период «арабской весны», когда под угрозой оказались многие авторитарные режимы Ближнего Востока. Субъекты тогдашних массовых протестов против действующей власти до сих пор остаются в информационной «тени», несмотря на большое количество данных, собранных исследователями политических процессов.

Примеры гибридной мобилизации на территории бывшего СССР можно обнаружить в Кыргызстане, где было три государственных переворота; последний – в 2020 г.; в Грузии в 2003 г. (революция роз); на Украине в 2004 г. (цветная революция) и в период «Евромайдана» в 2014 г.

Социальная мобилизация в России в контексте трансформации политического режима

В современной России на протяжении многих лет пространство политической активности постепенно переходило под контроль государства, а после начала СВО в 2022 г. социальная мобилизация приобрела специфические формы.

С помощью медийных машин государственная власть стремится формировать общенациональную сплоченность, которая строится «поверх» социальной солидарности, этнокультурной идентичности и политических предпочтений. Однако переживание стресса от столкновения с новыми реалиями – СВО, инфляция, трудности планирования личного будущего – заставляет граждан сосредотачиваться на решении частных, бытовых проблем. Участие в политической жизни страны неизбежно трансформируется в некие ритуальные действия: демонстрация социально одобряемого поведения и лояльности власти во время голосования на выборах федерального уровня.

С одной стороны, мы наблюдаем определенную патриотическую самоорганизацию вокруг добровольной помощи участникам боевых действий: сбор гуманитарной помощи и средств на экипировку, письма поддержки, изготовление окопных свечей, маскировочных сетей и т. д.

С другой стороны, публичные гражданские инициативы групп, не подконтрольных чиновникам и неодобряемых государственной властью, оказались вне легального правового поля. Это касается и выражения практически любых форм протеста. Ярким примером является присвоение статуса иноагента активистке движения жен мобилизованных участников СВО «Путь домой» М. Андреевой².

Можно вспомнить гипотезу Лазарсфельда, согласно которой социальные невзгоды, переживания депрессии и неуверенности в своем будущем способствуют росту социальной аномии и социальной сегрегации. В российском обществе сокращение сферы публичной политики и невозможность заниматься оппозиционной политической работой стали причиной канализации общественной активности в другие области социальной жизни [Левичева, Диманс 2023, с. 78–79]. Можно наблюдать спонтанные всплески общественной мобилизации, триггерами которых выступают неполитические

---

²Екатерину Дунцову и Марину Литвинович признали иноагентами // ТАСС. 2024. 31 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20963993> (дата обращения 9 марта 2025).

поводы, вызывающие массовое возмущение. Например, случаи жестокого обращения с животными (поиски кота Твикса, выброшенного из поезда, общественное расследование обстоятельств гибели животного³) или экологические бедствия (уборка мазута на пляжах Краснодарского края⁴) мобилизуют активных граждан.

Несмотря на спонтанный характер такого коллективного поведения, его можно отнести к особенностям функционирования российского гражданского общества. Это соответствует концепции российского гражданского общества Б. Капустина, согласно которой им следует считать любое ситуационное объединение граждан, собравшихся ради решения проблемы или конфликта локального значения [Капустин 2011, с. 23–25]. Следовательно, приведенные выше примеры проявлений гражданских инициатив, логично обозначить как оригинальный тип социальной мобилизации. Конечно, «мерцающий» характер и недолговечность подобной активности по формальным признакам не позволяет исследователям поместить эту активность в жесткие институциональные рамки. Тем не менее именно такая коллективная активность оказывает влияние на политические институты, защищая их от эрозии.

Заключение

Мобилизация может иметь как позитивный, так и негативный смысл, в зависимости от точки зрения наблюдателя или участника событий. Поскольку речь идет об идеях, которые представляют собой трудную для анализа переменную, то степень субъективности оценок мобилизации варьируется в максимально представимом диапазоне. Те формы и типы социальной мобилизации, которые обеспечивают политическую стабильность в обществах западной демократии, не обязательно должны восприниматься в качестве универсальных моделей коллективных активностей.

Российский опыт дает возможность предполагать особую роль мобилизации в жизни государства, отличную от европейских аналогов. Например, уход в волонтерскую деятельность, экологическая активность – все это является социальной мобилизацией.

---

³ Выбросившую кота из поезда проводницу отстранили от работы // РБК. 2024. 23 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2024/65af6fe69a7947b71ebac9ce> (дата обращения 9 марта 2025).

⁴ В Анапе выросло количество техники и волонтеров // Вести Кубань. 2025. 4 января. URL: <https://kubantv.ru/obshhestvo/v-anape-vyroslo-kolichestvo-texniki-i-volonterov> (дата обращения 9 марта 2025).

Но эти активности существуют как бы параллельно с политикой государственной власти. В каком-то смысле мы можем сравнивать нынешние типы самоорганизации граждан с той низовой общественной деятельностью (кружки по интересам, неформальные объединения, клубы самодетельной песни и т. д.), которая была характерна для позднесоветского времени. То есть это тоже социальная мобилизация, но она не способствует укреплению институционального каркаса государственно-политической системы. Надо сказать, что и государственная власть настороженно относится к низовым социальным инициативам. Власть пытается строить собственные управленческие «вертикали» и контролировать гражданскую мобилизацию с помощью идеологических конструктов.

Литература

- Артюхина 2017 – *Артюхина В.А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34.
- Великая 2022 – *Великая Н.М.* Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 59–71. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71.
- Гавра, Быкова 2021 – *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24.
- Капустин 2011 – *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Государственного университета – ВШЭ, 2011. 224 с.
- Костюшев 2011 – *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
- Левичева, Диманс 2023 – *Левичева В.Ф., Диманс С.Л.* Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-73-83.
- Юдина 2008 – *Юдина Е.Н.* Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151–154.
- Юнгер 2000 – *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000. С. 441–470.
- Blumer 1969 – *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective / Ed. By B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969. 497 p.
- Pareto 2017 – *Pareto V.* The rise and fall of elites. London and New York: Reutledge, Taylor and Francis Group, 2017. 120 p.

References

- Artyukhina, V.A. (2017) "Understanding social protest in modern sociology. An analysis of basic approaches", *Sociological Research*, no. 11, pp. 30–34.
- Blumer, H. (1969) "Social Movements", McLaughlin, B. (ed.), *Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective*, Free Press, N.Y., USA.
- Gavra, D.P. and Bykova, E.V. (2021), "Mediatized protest mobilization in social networks. Algorithms for constructing speech strategies", *Bulletin of the Moscow University, series 10 "Journalism"*, no. 2, pp. 3–24.
- Капустин, В.Г. (2011), "*Grazhdanstvo I grazhdanskoye obshchestvo*" [Citizenship and Civil Society], Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta – VshE, Moscow, Russia.
- Kostyushev, V.V. (2011), "Social protest in the field of politics. Potential, repertoire, discourse (experience of theoretical interpretation and empirical verification)", *Polis. Political research*, no. 4, pp. 144–157.
- Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 73–83, DOI: 10.28995/2073- 6401-2023-2-73-83.
- Pareto, V. (2017), *The rise and fall of elites*, Reutledge, Taylor and Francis Group, London and New York.
- Velikaya, N.M. (2020), "Public legitimization of political power in the context of transformation of civil society in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 59–71, DOI: 10.28995/2073- 6401-2022-3-59-71.
- Yudina, E.N. (2008), "Media space as a new sociological category", *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the 21st century], no. 2, pp. 151–154.
- Junger, E. (2000), "Total mobilization", Junger, E. *Rabochii. Gospodstvo I geshtal't. Total'naya mobilizatsiya; O boli*. [The Worker. Dominance and gestalt. Total mobilization; About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 441–470.

Информация об авторах

Анна А. Голосеева, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиневой, д. 6, стр. 1; goloseyeva@yandex.ru

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hohlov@rggu.ru

Information about the authors

Anna A. Goloseyeva, Cand. Of Sci. (History), associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; goloseyeva@yandex.ru

Andrey A. Khokhlov, Cand. Of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; hohlov@rggu.ru